

Художник и война

Роман Осминкин

Меня зовут Роман Сергеевич Осминкин. По линии матери я украинец, а по линии отца – русский. Почему я сразу начал с национальности, а не с профессии? Ведь я всегда разделял антинационалистические и антирасистские убеждения и не придавал никакого кроме культурного значения ни своей ни другой национальности. Но по-настоящему о своей национальной идентичности меня заставила задуматься только война. До нее я жил в прекрасном, хоть и часто наполненном бедностью, нуждой и бытовыми проблемами мире – мире еще не остывшего советского интернационального проекта. Родился в Ленинграде, в детский сад меня носила на плечах бабушка в украинском селе Слобода-Шоломковская Житомирской области, в то время как мама работала на три ставки в Военно-Морском госпитале. В госпиталь к маме постоянно поступали то солдатики из Афганистана, потом в 90-е солдатики из первой Чеченской, второй Чеченской войн. В «дикие» 90-е я вырос и окреп на украинских харчах, которые нам в промозглый Ленинград передавали бабушка с дедушкой поездами из Одессы и Кишинева. Витебский вокзал для меня навсегда останется в памяти запахом детства - «передачки» с кровяной колбасой, домашним салом, творогом, яблоками «белый налив», и ведерком с заботливо уложенными в тыквенные семечки домашними яйцами. Потом наступило сытое перемирие.

Бабушка несколько лет как умерла. Поезда стоят по два часа на белорусской, потом на украинской таможне. Моя мама, вздыхая, откупоривает коробки с салом и яйцами. Люди в бронжилетах, играя скифскими скулами буднично передергивают затвор автомата, магазин которого еще полон и горяч, равнодушно осматривают содержимое. Что в коробке? – Сало, яйца, творог, отвечает мама. Люди в бронжилетах проходят дальше. В следующем купе история повторяется: Что везете? Сало. Дальше то же самое. Завораживающе блестит вороненая сталь. Маме страшно. Моя национальная идентичность впервые обнаруживает себя и ужасается от этого факта. Моей русской половине стыдно за причиняемую боль моей украинской

половине. Я не хочу быть таким русским. Но я не могу быть украинцем в этой схватке национальных идентичностей. Потому что любая идентичность лишь политический конструкт, требующий полной самоидентификации. Но полная самоидентификация – это смерть субъекта. Я хочу, чтобы никакая национальная идентичность не претендовала на мое тело и душу. Мой двоюродный брат с Украины скрывается от призыва. Он тоже не хочет воевать.

Художник Алевтина Кахидзе рассказывает, как ее мама каждый день делится с ней последними новостями: Горловка гремит по обе стороны. И там и там стоят во всеоружии по 50 тысяч человек. Каждый день есть погибшие. Ненависть нарастает. Какое же это перемирие.

Как выйти из этой ситуации? Если искусство и может оказать хоть какое-то сопротивление войне, то точно не критикой и морализаторством. Современные художники редко участвуют в боевых действиях напрямую. Современному искусству вообще противопоказана прямая вовлеченность и инструментализация. Оно по сути критично и в эпоху сегодняшних гибридных войн скорее призвано предостерегать от военного помешательства и “раскрывать глаза” обывателям на истинные мотивы участников конфликтов. Но дело вовсе не в том, что большинство людей не обладают информацией и заблуждаются. Беда в том, что общество знает так много и ежедневно видит такое количество шокирующей информации, что абсолютно индифферентно к любой критике. Порог шока настолько высок, что антропологическая способность чувствовать боль, ужас и страх не поспевает за ним и атрофируется. Пацифизм искусства фальшив и еще более иллюзорен, чем «голые» факты новостных телеканалов. Медиа-образам нет никакого доверия – они лишь видимость. В пост-информационном обществе все документы одинаково лгут – каждый телеканал работает как пост-концептуальная машина по mockumentary-производству на той или иной стороне конфликта. Жертвы Холокоста, дети Хиросимы смонтированы с детьми Луганска и жертвами Донецка столь аффективно безупречно, что любое аналитическое концептуальное искусство заранее обречено на провал. Современному искусству состязаться в этой схватке документа, апеллировать к силе факта абсолютно проигрышно и невозможно.

Так как же мой внутренний поэт и художник сопротивляется?

Один знакомый московский художник любит описывать процесс взросления своей дочери. «По телевизору шли мультики», – пишет он, – «я отвлекся, отошел, вернулся – а дочка сидит перед проезжающей на экране бронетехникой и спрашивает: «Пап, а пап, тебе какие больше ракеты нравятся – Тополь, Искандер или Сатана? Меня прёт от всех! Тополь круче Хэллоу Китти, пап купишь мне Тополь? Хочу Искандер на новый год, а Са-

тану на день рожденья!»). Даже если художник и приукрасил степень очарованности ребенка красотой военных «игрушек», это не отменяет сам факт того, как легко и быстро происходит в детской психике самоидентификация со смертельным оружием. В конечном итоге, мы все являемся детьми, играющими в игру с «огнем», когда покупаемся на националистическую и патриотическую риторику власти и масс-медиа.

Но впадение в детство может и спасти нас. Игра, как социальная модель мироустройства ребенка структурно соответствует эстетической игре – свободному проявлению человеческих чувств. Эстетика всегда предполагает некоторую дистанцию или торможение, некоторое изъятие из мира необходимости и коммуникации. Мой внутренний художник и поэт переносит меня в пространство эстетической игры – перформанса, ри-энакмента. Это может звучать смешно и нелепо. Я театрально проигрываю войну «взрослого» мира и драматически побеждаю. Я уничтожаю картонный танк своей национальной идентичности.

Похоже на эскейп, исход и полную капитуляцию искусства перед войной. Но художник и есть тот самый капитулянт. Он должен первым выйти из строя и отказаться продолжать участвовать во взаимном истреблении и разжигании дискурса ненависти. Ненавистью заражено все пространство вокруг. Но это не наивный пацифизм. Капитуляция – это акт. Это художественное высказывание, играющее по своим правилам. Если у художника и есть права и власть над войной, так это только в качестве акта капитуляции. Единственный жест, который художник может оформить по своему непризнанному в других случаях закону. Поставить, оформить, задокументировать свой акт капитуляции – вот задача каждого и всех вместе. Аккумуляция таких актов может привести как снежный ком к побеждающей массовости. Количество слабых жестов приведет по закону диалектики на новый качественный уровень. Уровень общества, преодолевшего национальную идентичность в пользу художественной.